Гилберт Честертон

Странные шаги

Часть сборника
Настоящий английский детектив: собрание лучших рассказов

Странные шаги
Гилберт Кит Честертон

Аннотация
Гилберт Кит Честертон. Странные шаги

Аннотация

«Если вы встретите члена привилегированного клуба «Двенадцать верных рыболовов», приехавшего в отель «Верной» на ежегодный клубный обед, то, когда он снимет пальто, вы обратите внимание, что на нем зеленый, а не черный фрак. Если (при условии, что у вас хватит дерзости обратиться к такому возвышенному существу) вы спросите его, к чему такая причуда, он, скорее всего, ответит, что не хочет быть принятым за официанта. Вы отойдете, подавленный этим откровением, но оставите за собой неразгаданную тайну и историю, достойную того, чтобы ее рассказать…»

Гилберт Кит Честертон
Странные шаги

Если вы встретите члена привилегированного клуба «Двенадцать верных рыболовов», приехавшего в отель «Верной» на ежегодный клубный обед, то, когда он снимет пальто, вы обратите внимание, что на нем зеленый, а не черный фрак. Если (при условии, что у вас хватит дерзости обратиться к такому возвышенному существу) вы спросите его, к чему такая причуда, он, скорее всего, ответит, что не хочет быть принятым за официанта. Вы отойдете, подавленный этим откровением, но оставите за собой неразгаданную тайну и историю, достойную того, чтобы ее рассказать.

Если же — продолжая линию неправдоподобных предположений — вы встретитесь с кротким, усердным маленьким священником по имени Браун и спросите его, что он считает величайшей удачей в своей жизни, он может ответить, что самый удачный случай выпал в отеле «Верной», где ему удалось предотвратить преступление и, возможно, спасти человеческую душу, просто прислушавшись к шагам в коридоре. Наверное, он гордится своей невероятной и замечательной догадкой и не преминет упомянуть о ней. Но поскольку крайне маловероятно, что вы достигнете такого высокого положения в обществе, чтобы

найти клуб «Двенадцать верных рыболовов», или падете так низко, что окажетесь в обществе бродяг и уголовников, где сможете встретить отца Брауна, боюсь, вы никогда не услышите эту историю, если только я сам не расскажу ее вам.

Отель «Верной», где проходили ежегодные обеды «Двенадцати верных рыболовов», был учреждением, какие существуют только в олигархическом обществе, помешанном на изысканных манерах. Он представлял собой диковинный продукт под названием «эксклюзивное коммерческое мероприятие», который приносил доход, не привлекая посетителей, а фактически отпугивая их. В самой сердцевине плутократии торгаши умудрились стать еще более придирчивыми, чем их клиенты. Они специально чинили препоны, чтобы богатые и пресыщенные люди могли пускать в ход деньги и связи для преодоления этих препятствий. Если бы в Лондоне существовал модный отель, куда был бы закрыт доступ для людей ростом ниже шести футов, высшее общество покорно устраивало бы вечеринки для великанов, чтобы попасть туда. Если бы существовал дорогой ресторан, который по прихоти его владельца открывался бы только во вторник вечером, то по вечерам во вторник там было

бы не протолкнуться. Отель «Верной» как бы случайно стоял на углу площади в фешенебельном квартале Белгравия. Он был небольшим и очень неудобным, но даже неудобства считались надежной стеной, ограждающей привилегированное сословие. В частности, одно неудобство имело особенно важное значение: в отеле могли одновременно обедать только двадцать четыре человека. Единственный большой обеденный стол стоял под открытым небом на веранде, смотревшей на один из красивейших садов Лондона. Таким образом, даже этими двадцатью четырьмя местами за столом можно было пользоваться только в теплую погоду, но это затруднение лишь делало удовольствие более желанным. Владельцем отеля был еврей по фамилии Левер, который заработал около миллиона фунтов на крайне сложной процедуре доступа в свои владения. Разумеется, он сочетал эти ограничения с самой тщательной заботой о роскоши и изысканности для немногих избранных. Кухня и вина здесь были не хуже, чем в любом из лучших ресторанов Европы, а поведение прислуги точно отражало строгие нормы, укорененные в сознании высшего света. Хозяин знал всех официантов как свои пять пальцев; по слухам, их было лишь пятнадцать

человек. Гораздо проще было получить место в парламенте, чем стать официантом в этом отеле. Каждого из них натаскивали на исполнение своих обязанностей в полном молчании и с безупречной точностью, как камердинера в доме настоящего английского джентльмена. В самом деле, на каждого обедающего обычно приходился по меньшей мере один официант.

Члены клуба «Двенадцать верных рыболовов» могли устраивать ежегодный обед только в таком месте, обеспечивающем роскошное уединение. Их чрезвычайно расстроила бы даже мысль о том, что здесь могут обедать члены какого-то другого клуба. По случаю обеда у них было принято выставлять напоказ свои сокровища, как если бы они находились в частном доме, — особенно знаменитый набор вилок и ножей для рыбы, представлявший собой клубную реликвию. Серебряные столовые приборы были искусно выполнены в форме рыбок, и рукоять каждого из них украшала крупная жемчужина. Они всегда выкладывались перед рыбной переменой блюд, которая неизменно была самой торжественной в ходе великолепной трапезы. Клуб имел множество собственных ритуалов и церемоний, но не имел какой-либо цели и истории; именно это де-

лало его столь аристократичным. Не нужно было занимать видное положение в обществе, чтобы стать одним из «двенадцати рыболовов». Если вы не принадлежали к определенному кругу, то никогда не слыхали о них. Клуб существовал в течение двенадцати лет. Его президентом был мистер Одли, а вице-президентом — герцог Честерский.

Если мне до некоторой степени удалось передать атмосферу этого поразительного отеля, у читателей может возникнуть естественный вопрос: откуда мне удалось что-то узнать о нем и каким образом столь обычный человек, как мой друг, отец Браун, оказался в этой золотой клетке? Мой ответ будет очень простым и даже банальным. В мире есть один старинный бунтарь и демагог, который врывается даже в самые рафинированные салоны с ужасной вестью о том, что все люди братья. Везде, где этот уравнитель проносится на своем бледном коне, дело отца Брауна — следовать за ним. В тот день одного из официантов, итальянца по происхождению, вдруг разбил паралич, и хозяин отеля разрешил послать за ближайшим католическим священником, хотя и слегка удивился такому суеверию. Содержание беседы отца Брауна со слугой нас не

касается по той простой причине, что священник не стал разглашать его. Но, очевидно, оно было связано с составлением письма или заявления, призванного загладить причиненное зло или сделать важное признание. С кроткой настойчивостью, которую он выказал бы и в Букингемском дворце, отец Браун попросил выделить ему отдельную комнату и письменные принадлежности. Мистер Левер разрывался пополам. Он был незлобивым человеком, но по доброте душевной стремился избегать всяческих сцен и затруднений. В то же время присутствие необычного незнакомца в его отеле этим вечером было подобно грязному пятнышку на белоснежной скатерти. В отеле «Верной» не было прихожей или приемной; здесь нельзя было увидеть людей, ждущих в холле, или случайных клиентов. Пятнадцать официантов ожидали прибытия двенадцати гостей. Найти нового гостя в тот вечер было бы так же поразительно, как обнаружить нового родного брата за семейным завтраком или чаепитием. Более того, внешность священника была невзрачной, а одежда забрызгана грязью; даже если бы его увидели издалека, это грозило скандалом. В конце концов мистер Левер нашел решение, позволявшее скрыть позор, если не

устранить его целиком. Когда вы входите в отель «Верной» (вам никогда не удастся это сделать), то проходите по короткому коридору, украшенному выцветшими, но ценными картинами, и оказываетесь в главном вестибюле, откуда несколько коридоров ведут в гостиные с правой стороны, а еще один коридор уходит налево, в сторону кухни и служебных помещений. Слева же можно видеть угол стеклянного помещения, примыкающего к вестибюлю, своеобразного дома внутри дома; вероятно, когда-то здесь находился старый бар гостиницы.

Теперь в этой стеклянной будке сидит представитель владельца (никто здесь не появляется лично, если это в его силах), а за ней, по пути к служебным помещениям, находится гардеробная для гостей, последняя граница джентльменских владений. Но между будкой и гардеробной есть небольшая отдельная комната, которой хозяин иногда пользуется для важных и деликатных дел — например, дает герцогу взаймы тысячу фунтов или же отказывается ссудить ему шесть пенсов. То обстоятельство, что мистер Левер разрешил на полчаса осквернить это священное место присутствием обычного священника, марающего бумагу, свидетельствует о его без-

граничной терпимости и великодушии. Вполне вероятно, что история, которую записывал отец Браун, была гораздо лучше моей, но о ней никто никогда не узнает. Могу лишь сказать, что она была почти такой же длинной и что последние два-три абзаца были наименее увлекательными.

Когда священник приблизился к концу своего повествования, он немного расслабился и позволил своим мыслям свободно блуждать, а его острые физические чувства пробудились от спячки. Близилось время обеда; в его маленькой комнате не было освещения, и подступающий сумрак, вероятно, обострил слух. Когда отец Браун составлял последнюю и наименее важную часть документа, он обратил внимание, что пишет под звук ритмичного шума снаружи, как человек иногда думает под стук колес, когда едет в поезде. Он сразу же понял, что это было — всего лишь звук шагов, когда кто-то проходил мимо двери, вполне обычная вещь в гостинице. Тем не менее он уперся взглядом в потемневший потолок и прислушался к звуку. Спустя несколько секунд он встал и прислушался еще более внимательно, слегка склонив голову набок. Потом он снова сел и обхватил голову руками; на этот раз он не только слушал, но и думал.

В любой отдельный момент шаги снаружи показались бы самыми обыкновенными, но, взятые в целом, они производили очень странное впечатление. В доме почти всегда стояла тишина, так как немногочисленные посетители сразу же расходились по своим апартаментам, а хорошо вышколенные слуги оставались почти невидимыми, пока в них не было надобности. Трудно было представить место, менее располагающее к необычным событиям. Но шаги производили настолько странное впечатление, что их нельзя было назвать обычными или необычными. Отец Браун выстукивал их ритм пальцем на краешке стола, словно человек, пытающийся заучить мелодию на пианино.

Сначала послышался быстрый перестук мелких шагов, как будто человек легкой комплекции приближался к финишу соревнований по спортивной ходьбе. В какой-то момент шаги смолкли и сменились медленной, размашистой походкой, где один шаг по времени соответствовал едва ли не четырем предыдущим. Когда последние отголоски этих шагов затихли вдали, снова послышался топот легких торопливых ног, вскоре сменившийся тяжелым, размеренным шагом. Это определенно был один и тот же человек,

поскольку его туфли характерно поскрипывали при ходьбе.

Ум отца Брауна был устроен так, что он не мог не задавать вопросов, но от размышлений над этой вроде бы тривиальной загадкой у него голова пошла кругом. Он видел, как люди разбегаются перед прыжком. Он видел, как разбегаются перед скольжением по льду. Но с какой стати человек должен разбегаться для того, чтобы перейти на шаг? Или, наоборот, зачем ему переходить на бег со степенной походки? Ни одно другое описание не подходило для трюка, который выделывали невидимые шаги. Человек либо шел очень быстро до половины коридора, чтобы перейти на медленный шаг на другой половине, либо шел очень медленно с одного конца и почти срывался на бег на другом конце. Ни то ни другое не имело особого смысла. В голове отца Брауна становилось все темнее, как и в комнате, где он находился.

Но когда он овладел собой, сгустившаяся тьма сделала его мысли более яркими. Перед его мысленным взором пируэты фантастических ног, шагавших по коридору, стали приобретать неестественное или символическое положение. Может быть, это языческий священный танец? Или совершенно новый вид научного экспери-

мента? Отец Браун пытался глубже проникнуть в значение странных шагов. Возьмем, к примеру, медленную походку: это определенно не шаги хозяина отеля. Люди его типа либо куда-то торопятся, либо сидят спокойно. Это не мог быть слуга или курьер, ждущий распоряжений. Те богачи, что победнее, иногда ходят вразвалку, когда немного пьяны, но, как правило, особенно в такой роскошной обстановке, они стоят или сидят в сдержанных позах. Нет, этот тяжелый, но пружинистый шаг, отдававший беззаботностью, не особенно шумный, но и не беспокоившийся из-за того, сколько шума он производит, мог принадлежать только одному животному на земле — джентльмену из Западной Европы, которому, вероятно, никогда не приходилось зарабатывать себе на жизнь.

Когда отец Браун окончательно пришел к этому выводу, неизвестный ускорил шаг и прошмыгнул мимо двери с быстротой юркнувшей крысы. Священник отметил, что хотя шаги ускорились, они стали почти бесшумными, словно человек бежал на цыпочках. Но такое поведение у него ассоциировалось не с конспирацией, а с чем-то другим, чего он никак не мог припомнить. Его раздражали смутные обрывки воспоминаний, ко-

торые лишь заставляют ощущать свое бессилие. Он, безусловно, уже где-то слышал эту странную быструю походку. Внезапно он вскочил, осененный новой мыслью, и подошел к двери. Его комната не имела прямого выхода в коридор, но с одной стороны вела в стеклянную будку, а с другой примыкала к гардеробной. Он попробовал первую дверь, но она оказалась запертой. Тогда он посмотрел в окно — квадратный проем, заполненный багровыми облаками в сиянии зловещего заката, и на мгновение почуял зло, как собака чует крысу.

Рациональная часть его разума (неважно, более мудрая или нет) снова взяла верх. Отец Браун вспомнил, как хозяин сказал ему, что запрет дверь, а потом придет и выпустит его. Он попытался придумать двадцать разных причин, объясняющих диковинные шаги снаружи, и напомнил себе, что дневного света уже едва хватает для того, чтобы завершить собственную работу. Он перенес бумагу к окну, чтобы не упустить последние отблески вечернего света, и решительно погрузился в почти законченные записи. Он писал около двадцати минут, все ниже склоняясь над бумагой в сгущающихся сумерках, а потом внезапно выпрямился. Странные шаги зазвучали

снова.

На этот раз они приобрели еще одну необычную особенность. Раньше неизвестный ходил — легко и с поразительной быстротой, но все же ходил. Теперь он перешел на бег. Быстрые мягкие шаги приближались по коридору, словно скачки пантеры, преследующей добычу. Чувствовалось, что бежит сильный, подвижный человек, испытывающий сдержанное возбуждение. Но когда шелестящий вихрь поравнялся со стеклянной будкой, он внезапно сменился медленными, размеренными шагами.

Отец Браун отбросил свои бумаги и, зная о том, что дверь в стеклянную контору заперта, сразу же направился в гардеробную на другой стороне. Гардеробщик временно отсутствовал — наверное, потому, что все гости обедали и его должность была обычной синекурой. Пробравшись через серый лес пальто, он обнаружил, что полутемное помещение отделено от ярко освещенного коридора откидной стойкой с распахивающейся дверцей, похожей на те, через которые мы обычно подаем зонтики и получаем жетоны. Над полукруглой аркой перед этим проходом горел свет, частично падавший на отца Брауна, который казался темным силуэтом на фоне тускнеющего заката в окне

за его спиной. Но человек, стоявший в коридоре перед гардеробной, был освещен так же ярко, как на театральных подмостках.

Это был элегантный мужчина в простом фраке, высокий, но как будто занимавший совсем мало места; казалось, он мог проскользнуть как тень там, где многие люди меньшего роста были бы заметнее его. Его лицо, залитое светом, было смуглым и оживленным — лицо иностранца. Он держался свободно и уверенно; критик мог бы лишь заметить, что мешковатый черный фрак не вязался с его фигурой и манерами и странно топорщился в некоторых местах. Когда он увидел темный силуэт Брауна на фоне заката, то достал клочок бумаги с написанным номером и с дружелюбной снисходительностью обратился к священнику:

— Пожалуйста, подайте мое пальто и шляпу; мне нужно срочно уйти.

Отец Браун молча принял бумажку и послушно направился за пальто: это была не первая лакейская работа в его жизни. Он принес пальто и положил на стойку. Между тем странный джентльмен пошарил в жилетном кармане и со смехом произнес:

— У меня нет мелкого серебра, можете взять

это.

Он бросил на стойку монету в полсоверена и подхватил свое пальто.

Отец Браун оставался неподвижным в полутьме, но в это мгновение он потерял голову. Впрочем, его голова становилась особенно ценной, когда он терял ее. В такие моменты он мог умножить два на два и получить четыре миллиона. Католическая церковь, обрученная со здравым смыслом, часто не одобряла этого, да и он сам не всегда относился к этому одобрительно. Но благодаря подлинному вдохновению в критическую минуту тот, кто терял голову, чудесным образом сохранял ее.

— Думаю, сэр, в ваших карманах найдется серебро, — вежливо сказал он.

Высокий джентльмен уставился на него.

— Черт побери! — воскликнул он. — Я дал вам золото, чего же вы жалуетесь?

— Потому что серебро иногда бывает дороже золота, — кротко ответил священник. — Во всяком случае, в большом количестве.

Незнакомец с любопытством взглянул на него. С еще большим интересом он осмотрел коридор, ведущий к парадному входу. Потом он снова взглянул на Брауна и на этот раз внимательно

осмотрел окно за его головой, где догорали последние отблески заката. Казалось, он принял какое-то решение. Он положил руку на стойку и легко, как акробат, перепрыгнул на другую сторону. Нагнувшись к священнику с высоты своего роста, он огромной рукой ухватил его за воротник.

— Стойте спокойно, — отрывистым шепотом приказал он. — Я не хочу угрожать вам, но…

— Зато я буду угрожать вам, — произнес отец Браун, и его голос прозвучал как барабанная дробь. — Я буду грозить вам червем неумирающим и пламенем неугасимым.

— Вы довольно странный гардеробщик, — пробормотал незнакомец.

— Я священник, месье Фламбо, — сказал Браун. — И я готов выслушать вашу исповедь.

Его собеседник несколько мгновений хватал ртом воздух, а затем попятился и опустился на стул.

Первые две перемены блюд на обеде «Двенадцати верных рыболовов» прошли вполне успешно. У меня нет экземпляра меню, но если бы и был, я все равно не смог бы ничего рассказать. Меню было написано на диковинном жаргоне французских поваров, непонятном даже для французов.

В клубе существовала традиция, в соответствии с которой закуски были разнообразными и безумно многочисленными. К ним относились серьезно, так как, по общему мнению, они были бесполезным излишеством, как и весь обед, да и сам клуб. Согласно другой традиции, суп был легким и непритязательным — нечто вроде строгого бдения перед предстоящим рыбным пиршеством. За столом велась непринужденная беседа, из тех, что тайно вершат судьбы Британской империи, и все же едва понятная для простого англичанина, даже если бы ему удалось подслушать ее. Членов правительства называли просто по имени с оттенком усталой благосклонности. Радикального министра финансов, которого вся партия консерваторов дружно проклинала за вымогательство, хвалили за его слабые вирши или за посадку в седле на охоте. Лидера консерваторов, которого все либералы вроде бы считали тираном, здесь живо обсуждали и даже хвалили как либерала. Так или иначе, в политиках казалось значительным все, что угодно, кроме их политики.

Председатель, мистер Одли, был любезным пожилым человеком, носившим воротничок эпохи Гладстона; он служил олицетворением этого призрачного и вместе с тем неизменно-

го общества. Он никогда ничего не делал — ни хорошего, ни плохого. Он не был расточителен и даже особенно богат. Он просто находился в центре событий. Ни одна партия не могла игнорировать его, и если бы он пожелал стать членом правительства, то, несомненно, попал бы туда. Вице-президент, граф Честерский, был молодым и многообещающим политиком. Помимо этого, он представлял собой приятного юношу с тщательно уложенными светлыми волосами и веснушчатым лицом, обладавшего посредственным интеллектом и огромными поместьями. Его появления в обществе всегда были удачными и следовали довольно простому принципу. Когда он придумывал шутку, ее называли блестящей. Когда он не мог придумать шутку, то говорил, что сейчас не время для банальностей, и его называли талантливым. В частной жизни или в клубе среди людей своего круга он был просто откровенным и глуповатым, как школьник. Мистер Одли, никогда не занимавшийся политикой, относился к ней несколько более серьезно. Иногда он даже озадачивал собравшихся загадочными фразами, намекавшими на некое различие между либералами и консерваторами. Сам он был консерватором, даже наедине с собой. С ухожен-

ной гривой седых волос над воротничком он напоминал старомодного государственного деятеля и, если смотреть со спины, был в точности похож на такого человека, какой нужен Британской империи. Спереди он был похож на тихого сибарита, пожилого холостяка с квартирой в Олбани, кем, в сущности, и являлся.

Как уже упоминалось, за столом на террасе имелось двадцать четыре места, а в клубе насчитывалось лишь двенадцать членов. Поэтому они могли расположиться самым роскошным образом с внутренней стороны стола, где перед ними открывался беспрепятственный вид на вечерний сад, все еще сиявший яркими красками, хотя день заканчивался довольно мрачно для этого времени года. Председатель восседал в центре ряда, а вице-президент занял место на дальнем правом краю. Когда двенадцать гостей подходили к своим местам, все пятнадцать официантов по неписаному обычаю выстраивались вдоль стены, как войска на параде перед королем, а толстый хозяин кланялся членам клуба с умильным удивлением, как будто никогда не слышал о них раньше. Но еще до первого звяканья ножа или вилки вся эта армия слуг исчезала, и лишь двое или трое оставались собирать или переставлять

тарелки, безмолвными тенями скользя вокруг стола. Разумеется, мистер Левер исчезал задолго до этого в судорогах вежливых расшаркиваний. Было бы преувеличением и даже неуважением предположить, что он мог появиться снова. Но когда вносили самое главное блюдо, торжественное рыбное блюдо, то — как бы это сказать? — возле стола возникала живая тень, некая проекция его личности, намекавшая, что он где-то рядом. Это священное блюдо (естественно, с точки зрения заурядного наблюдателя) представляло собой чудовищный пудинг, размерами и формой напоминавший свадебный торт, в котором неведомое количество всевозможных рыб окончательно потеряло форму, данную Богом. «Двенадцать верных рыболовов» вооружались своими прославленными рыбными приборами и подходили к делу с такой серьезностью, как будто каждый дюйм пудинга стоил не меньше, чем серебряная вилка, с которой он отправлялся в рот. Насколько мне известно, так оно и было. Это блюдо поглощали в благоговейной и напряженной тишине, и лишь после того, как тарелка молодого герцога почти опустела, он сделал ритуальное замечание:

— Такое умеют готовить только здесь.

— Только здесь, — глубоким басом подтвердил

мистер Одли, повернувшись к нему и покивав седовласой головой. — Только здесь и нигде больше. Мне говорили, что в кафе «Англэ»…

Тут он был прерван и даже на мгновение взволнован исчезновением своей тарелки, убранной официантом, но восстановил плавное течение своих мыслей.

— Мне говорили, что то же самое умеют готовить в кафе «Англэ». Ничего подобного, сэр, — сказал он, безжалостно покачав головой, словно судья, обрекающий преступника на виселицу. — Ничего подобного.

— Незаслуженная похвала, — произнес некий полковник Паунд, который, судя по его виду, заговорил впервые за последние несколько месяцев.

— Ну не знаю, — оптимистично возразил граф Честерский. — Кое-что там готовят очень неплохо. Например, вы не найдете…

В комнату быстро вошел официант и внезапно застыл на месте. Остановка была такой же бесшумной, как и его шаги, но любезные и рассеянные джентльмены, сидевшие за столом, настолько привыкли к безупречной отлаженности невидимых механизмов, окружавших и поддерживавших их существование, что неожиданное поведение слуги было неслыханным

потрясением для них. Их чувства можно сравнить с нашими при виде бунта неодушевленных вещей — например, если бы стул вдруг убежал от нас.

За несколько секунд, пока официант стоял неподвижно, на лице каждого из сидевших проявилось странное выражение неловкости, типичное для нашего времени. Оно возникает при попытке сочетания идей современного гуманизма с ужасной бездной, разделяющей бедных и богатых. Подлинный исторический аристократ стал бы швыряться в официанта всем, что подвернется под руку, начиная с пустых бутылок и, вероятно, заканчивая деньгами. Подлинный аристократ снизошел бы до просторечия и спросил бы его, какого дьявола он тут делает. Но современные плутократы не выносят бедняков рядом с собой, и неважно, рабов или друзей. Странное происшествие со слугой для них было досадной помехой. Они не хотели прибегать к жестокости, но их пугала необходимость проявить милосердие. Они просто хотели, чтобы это поскорее закончилось. Так и случилось. Простояв несколько секунд, как истукан, официант повернулся и со всех ног выбежал из комнаты.

Вскоре он снова появился на веранде, вернее в

дверях, на этот раз в обществе другого официанта, с которым он перешептывался и жестикулировал с южной напористостью. Потом первый официант исчез, оставив второго, и вернулся с третьим. Когда к этому импровизированному совету присоединился четвертый официант, мистер Одли счел необходимым нарушить молчание в интересах хорошего тона. Он громко кашлянул вместо того, чтобы воспользоваться президентским молоточком, и произнес:

— Молодой Мучер великолепно поработал в Бирме. Право, ни один другой народ на свете не смог бы…

Пятый официант устремился к нему, как стрела, и прошептал ему на ухо:

— Нижайше просим прощения. Очень важное дело! Не соизволите ли переговорить с хозяином?

Председатель растерянно обернулся и как в тумане увидел мистера Левера, торопливо ковылявшего к ним. Походка хозяина почти не изменилась, чего нельзя было сказать о его лице. Обычно оно имело приятный бронзовый оттенок, но теперь стало болезненно-желтым.

— Прошу прощения, мистер Одли, — пробормотал он с астматической одышкой. — У меня

недоброе предчувствие. Ваши рыбные тарелки, их уносили вместе с ножами и вилками?

— Полагаю, да, — ответил председатель, придав своему голосу некоторую теплоту.

— Вы видели его? — взволнованно пропыхтел владелец отеля. — Видели официанта, который унес их? Вы смогли бы узнать его?

— Узнать официанта? — раздраженно переспросил мистер Одли. — Разумеется, нет!

Мистер Левер в отчаянии развел руками.

— Я его не посылал, — сказал он. — Не знаю, когда и почему он пришел. Я послал своего слугу убрать тарелки, но их уже не было на столе.

Мистер Одли был настолько ошеломлен, что утратил сходство с человеком, который нужен Британской империи. Никто из собравшихся не мог вымолвить ни слова, кроме деревянного полковника Паунда, который вдруг воспрянул к жизни, как гальванизированный труп. Он жестко поднялся со своего места, вставил в глаз монокль и заговорил сиплым приглушенным голосом, словно отвык от устной речи.

— Вы хотите сказать, что кто-то украл наши серебряные рыбные приборы? — спросил он.

Хозяин еще более безнадежно развел руками, а в следующее мгновение все, кто сидел за столом,

уже были на ногах.

— Все ваши официанты находятся здесь? — требовательно спросил полковник.

— Да, все здесь, я сам видел! — воскликнул молодой герцог, чье ребяческое лицо высунулось на передний план. — Я всегда пересчитываю их, когда вхожу; они так забавно выстраиваются у стены.

— Но нельзя же точно запомнить… — с тяжелым сомнением начал мистер Одли.

— Говорю вам, я точно запомнил, — возбужденно перебил герцог. — Здесь никогда не было больше пятнадцати слуг, и сегодня их было пятнадцать — клянусь, не больше и не меньше.

Хозяин повернулся к нему, вздрогнув всем телом, словно его вот-вот мог разбить паралич.

— Вы… вы говорите… — пролепетал он. — Вы говорите, что видели пятнадцать официантов?

— Как обычно, — подтвердил герцог. — А в чем дело?

— Ничего особенного, — произнес Левер, в речи которого прорезался заметный акцент. — Но этого не могло быть. Один из них умер и лежит наверху.

Наступило потрясенное молчание. Возможно, упоминание о смерти прозвучало так вовремя,

что каждый из этих праздных людей на мгновение всмотрелся в свою душу и обнаружил на ее месте высохшую горошину. Один из них — кажется, герцог — даже осведомился с идиотской благожелательностью:

— Мы можем чем-то помочь?

— У него уже побывал священник, — отозвался еврей, видимо тронутый этим предложением.

Затем, словно по мановению судьбы, они осознали свое положение. Им пришлось пережить несколько неприятных секунд, когда показалось, будто пятнадцатый официант был призраком мертвеца, лежавшего наверху. Трудно было отделаться от гнетущего чувства, потому что призраки для них были такой же досадной помехой, как нищие. Но воспоминание о серебре разбило оковы сверхъестественного и вызвало самую резкую реакцию. Полковник отшвырнул свой стул и зашагал к двери.

— Друзья, если здесь было пятнадцать слуг, то пятнадцатый субъект — вор, — сказал он. — Нужно немедленно закрыть парадный и черный ход, изолировать остальные комнаты. Тогда мы поговорим. Двадцать четыре жемчужины стоят того, чтобы вернуть их.

Сначала мистер Одли как будто сомневался,

прилично ли джентльмену действовать в такой спешке, но, посмотрев на герцога, который с юношеской энергией устремился вниз по лестнице, он более степенно двинулся следом.

В это время на веранду выбежал шестой официант и объявил, что он обнаружил на буфете груду рыбных тарелок без каких-либо признаков серебра.

Толпа слуг и посетителей, беспорядочно вывалившаяся в коридор, разделилась на две группы. Большинство членов клуба последовали за хозяином в вестибюль, где устроили штаб-квартиру поисков. Полковник Паунд с председателем и вице-президентом двинулись по коридору, ведущему в служебные помещения, который был наиболее вероятным маршрутом бегства. При этом они миновали тускло освещенный альков гардеробной, где увидели низенького человека в черном, предположительно слугу, который держался в тени.

— Эй, вы там! — позвал герцог. — Здесь кто-нибудь проходил?

Низенький человек не стал прямо отвечать на вопрос.

— Возможно, у меня есть то, что вы ищете, джентльмены.

Они остановились, удивленно переглядываясь, а человек бесшумно удалился в глубину гардеробной и вскоре вернулся с охапкой блестящего серебра, которое он разложил на стойке, словно продавец скобяных изделий. Серебряные предметы оказались дюжиной вилок и ножей причудливой формы.

— Вы… вы… — начал полковник, наконец выведенный из равновесия. Он всмотрелся в полутемную комнату и обратил внимание на два обстоятельства. Во-первых, маленький человек в черном носил одеяние священника, а во-вторых, окно за его спиной было разбито, словно кто-то с разбега выскочил наружу.

— Слишком ценные вещи для гардеробной, не так ли? — с дружелюбной сдержанностью поинтересовался священник.

— Вы… вы украли их? — запинаясь, спросил мистер Одли, с изумлением смотревший на него.

— Даже если так, по крайней мере, теперь я возвращаю их, — любезным тоном отозвался священник.

— Но вы не делали этого, — произнес полковник Паунд, все еще глядевший на разбитое окно.

— По правде говоря, нет, — с некоторым юмором ответил священник и спокойно опустился

на табурет.

— Однако вы знаете, кто это сделал, — сказал полковник.

— Я не знаю его имени, — невозмутимо отозвался священник, — но мне кое-что известно о его борцовских качествах и духовных затруднениях. Физическую оценку я получил, когда он попытался задушить меня, а духовную — когда он покаялся в своих грехах.

— Как же, покаялся! — со сдавленным смехом воскликнул молодой герцог Честерский.

Отец Браун встал и заложил руки за спину.

— Странно, не правда ли, что вор и бродяга должен каяться, в то время как многие богатые и сильные мира сего закоснели в грехе и не приносят плода для Бога и человека? — спросил он. — Но здесь, прошу прощения, вы немного вторгаетесь на мою территорию. Если вы сомневаетесь в практической пользе раскаяния, вот ваши ножи и вилки. Вы — «двенадцать верных рыболовов», и вот весь ваш серебряный улов. Но Он сделал меня ловцом человеков.

— Вы поймали вора? — нахмурившись, спросил полковник.

Отец Браун в упор посмотрел на его недовольное лицо.

— Да, — ответил он. — Я поймал его невидимым крючком на невидимую леску, достаточно длинную, чтобы он мог скитаться по всему свету и все же вернуться, когда я потяну его.

Наступило долгое молчание. Остальные разошлись, торопясь показать возвращенное серебро своим товарищам или посоветоваться с хозяином о достойном выходе из этой необычной ситуации. Но суровый полковник остался сидеть боком на стойке, болтая длинными худыми ногами и покусывая кончики темных усов. Наконец он тихо обратился к священнику.

— Вор был умным малым, но, похоже, я знаю человека поумнее его, — сказал он.

— Он умен, — сказал отец Браун. — Но я не вполне понимаю, кого еще вы имеете в виду.

— Вас, — со сдержанным смешком отозвался полковник. — Не беспокойтесь, я не хочу, чтобы этого удальца посадили за решетку. Но я отдал бы много серебряных вилок за то, чтобы разобраться, как вы встряли в это дело и как вам удалось вытрясти серебро из воровского мешка. Сдается мне, вы самый осведомленный человек в нашей нынешней компании.

Видимо, отцу Брауну пришлась по душе угрюмая откровенность военного.

— Ну что же, — с улыбкой сказал он. — Разумеется, я ничего не могу поведать вам о личности этого человека или о его жизни, но не вижу никаких причин умалчивать о других фактах, которые я выяснил сам.

Он с неожиданной легкостью перемахнул через стойку и уселся рядом с полковником Паундом, болтая короткими ногами, словно мальчишка на заборе. Его рассказ был непринужденным, словно он беседовал со старым другом у камина перед Рождеством.

— Видите ли, полковник, меня заперли в небольшой комнате, где я должен был кое-что написать, — начал он. — Внезапно я услышал, как пара чьих-то ног в коридоре отплясывает странный танец, зловещий, как пляска смерти. Сначала это были мелкие, легкие шажки, словно кто-то решил на спор пройтись на цыпочках. Потом послышались спокойные, размеренные шаги — поступь крупного мужчины, прогуливающегося с сигарой. Но клянусь, шаги принадлежали одному человеку и звучали поочередно: сначала легкие, потом размеренные, потом снова легкие. Сначала я праздно размышлял, кому могло понадобиться играть две роли одновременно, а потом меня задело за живое. Одну походку я знал: она была

очень похожа на вашу, полковник. Это поступь ухоженного джентльмена, который чего-то ждет и прогуливается просто для бодрости, а не от беспокойства. Вторая походка тоже показалась мне знакомой, но я никак не мог вспомнить, где ее слышал. Какого дикого зверя я встречал в своих странствиях, который вот так странно крался на цыпочках? Потом где-то раздался стук тарелок, и ответ явился мне, как откровение святому Петру. Это была походка официанта, когда туловище слегка наклонено вперед, глаза смотрят в пол, ноги ступают неслышно, а фалды фрака и салфетки развеваются на ходу. Тогда я немного поразмыслил, и мне показалось, что я вижу суть преступления так же ясно, как если бы сам собирался совершить его.

Полковник Паунд внимательно смотрел на священника, но кроткие серые глаза отца Брауна уставились в потолок с выражением почти бездумной печали.

— Преступление сродни любому другому произведению искусства, — медленно произнес он. — Не удивляйтесь. Преступления — не единственные произведения искусства, которые выходят из мастерской дьявола. Но каждое произведение, боговдохновенное или дьявольское,

имеет одно неотъемлемое свойство. Я имею в виду, что его суть проста, хотя манера исполнения может быть сколь угодно сложной. Скажем, в «Гамлете» гротескные фигуры могильщиков, цветы безумной девушки, фантастический наряд Озрика, смертельная бледность призрака и ухмылка черепа — лишь элементы спутанного венка вокруг одинокой трагической фигуры человека в черном. Вот и здесь тоже, — с улыбкой добавил он и медленно слез на пол. — Здесь тоже незамысловатая трагедия человека в черном. Да, — продолжал он, заметив удивленный взгляд полковника, — эта история тоже вращается вокруг черных одежд. В ней, как и в «Гамлете», есть барочные излишества — вы сами, с вашего позволения. Есть мертвый слуга, который появился там, где его не могло быть. Есть невидимая рука, очистившая ваш стол от серебра и растворившаяся в воздухе. Но каждое хитроумное преступление, в конце концов, основано на одном простом факте, который сам по себе не имеет отношения к мистике. Мистификация заключается в его маскировке, в умении отвести от него ход ваших мыслей. Это тонкое и (если бы все прошло по плану) чрезвычайно выгодное дело было основано на том простом факте, что

вечерний костюм джентльмена не отличается от парадного наряда официанта. Все остальное было актерской работой и, надо признать, очень искусной работой.

— И все же я не вполне понимаю вас, — сказал полковник, который тоже слез со стойки и теперь хмуро разглядывал свои туфли.

— Полковник, — сказал отец Браун, — уверяю вас, что дерзкий архангел, который украл ваши вилки, двадцать раз прошел взад-вперед по ярко освещенному коридору на виду у всех. Он не прятался по темным углам, где на него могло бы пасть подозрение. Он постоянно был в движении, и куда бы он ни направлялся, всегда казалось, что он имеет полное право там находиться. Не спрашивайте меня, как он выглядел: сегодня вечером вы сами видели его шесть или семь раз. Вы вместе с другими важными гостями ждали в приемной в конце коридора, возле самой веранды. Каждый раз, когда он проходил мимо вас, джентльмены, он двигался легкой поступью официанта, с опущенной головой и развевающейся салфеткой, переброшенной через руку. Он выскакивал на террасу, поправлял скатерть и пулей мчался обратно к конторе и служебным комнатам. Но едва он попадал в поле зрения клерка и других слуг,

как становился другим человеком буквально с головы до пят, в каждом инстинктивном жесте. Он прохаживался среди слуг с той рассеянной небрежностью, которую они привыкли видеть в своих хозяевах. Для них не было новостью, когда какой-нибудь щеголь во время клубного обеда расхаживал по всему дому, словно диковинный зверь в зоопарке. Ничто так не отличает сильных мира сего, как привычка бродить там, где они пожелают. Когда прогулка наскучивала ему, он разворачивался и неспешно шел обратно, но в тени за аркой снова преображался, словно по мановению волшебной палочки, и спешил к «двенадцати рыболовам» как исполнительный слуга. К чему джентльменам обращать внимание на какого-то официанта? С какой стати официанты могут в чем-то заподозрить прогуливающегося джентльмена из высшего общества? Один или два раза ему удалось провернуть самый ловкий трюк. В комнатах хозяина он беззаботно попросил сифон содовой воды, сказав, что ему хочется пить. Он великодушно согласился сам отнести сифон и сделал это — быстро и ловко прошел среди вас в облике лакея, явно выполняющего поручение. Разумеется, так не могло продолжаться до бесконечности, но ему нужно было лишь

дождаться конца рыбной перемены блюд.

Тяжелее всего ему пришлось, когда официанты выстроились в ряд, но и тогда он умудрился прислониться к стене за углом с таким видом, что официанты приняли его за джентльмена, а джентльмены — за официанта. Остальное прошло как по маслу. Если официант заставал его вдали от стола, то видел расслабленного аристократа. Ему нужно было лишь подгадать время за две минуты до конца рыбной перемены. Прежде чем официант явился за тарелками, он превратился в расторопного слугу и сам унес посуду. Он поставил тарелки на буфет, рассовал серебро по карманам, отчего они оттопырились, и побежал как заяц (я это слышал), пока не приблизился к гардеробной. Там он снова преобразился в аристократа, которого внезапно вызвали по важному делу. Ему оставалось лишь отдать номерок гардеробщику и выйти наружу с таким же достоинством, как он пришел. Но дело в том, что гардеробщиком оказался я.

— Что вы с ним сделали? — с необычной горячностью воскликнул полковник. — Что он вам рассказал?

— Прошу прощения, — невозмутимо произнес священник. — На этом моя история заканчива-

ется.

— Зато самая интересная история начинается, — пробормотал полковник. — Кажется, я понял его профессиональную уловку, но что-то не могу разобраться в ваших методах.

— Мне пора идти, — сказал отец Браун.

Они прошли вместе по коридору до передней, где увидели свежее веснушчатое лицо герцога Честерского, с оживленным видом направлявшегося к ним.

— Пойдемте, Паунд! — немного запыхавшись, воскликнул он. — Я повсюду вас ищу. Обед продолжается с новым размахом, и старина Одли собирается произнести речь в честь спасенных вилок. Знаете, мы хотим учредить новую церемонию, чтобы увековечить этот случай. У вас есть какие-нибудь предложения?

— Что ж, — произнес полковник, с сардоническим одобрением поглядывавший на него. — Я предлагаю отныне носить зеленые фраки вместо черных. Кто знает, какие еще недоразумения могут произойти, если джентльмен оказывается так похож на официанта?

— Ерунда! — с жаром возразил юноша. — Джентльмен никогда не бывает похож на официанта.

— А официант, полагаю, не бывает похож на джентльмена, — с угрюмым смешком поддакнул полковник. — Преподобный сэр, должно быть, ваш друг очень умен, если смог изобразить джентльмена.

Отец Браун застегнул свое невзрачное пальто до шеи, потому что вечер выдался ненастный, и снял свой невзрачный зонтик со стойки.

— Да, — сказал он, — должно быть, очень трудно изображать джентльмена, но, знаете ли, мне иногда кажется, что почти так же трудно быть официантом.

Попрощавшись, он распахнул тяжелые двери дворца удовольствий. Золотые врата захлопнулись за ним, и он бодро зашагал по темным сырым улицам в поисках дешевого омнибуса.